

ANITRA ROZE

Институт латышского языка Латвийского
Университета

Направления научных исследований: лексикология,
семантика, ономастика, лексикография, цветообозначения,
неологизмы (латышский язык).

ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА – ОДИН ИЗ ИСТОЧНИКОВ ОБОЗНАЧЕНИЙ НЮАНСОВ ЦВЕТА В ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ

Skolinti spalvų pavadinimai – vienas iš latvių
kalbos atspalvių žymėjimo būdų

АННОТАЦИЯ

Наряду с наречиями, которые в латышском языке обозначают различные нюансы того или иного цвета, например, *gaiši* (светло-), *tumši* (темно-), *koši* (ярко-), *bāli* (бледно-) и т. п., для названия оттенков цвета используется также целый ряд заимствованных цветообозначений.

В статье представлены три группы заимствованных цветообозначений и характеризующие эти группы приметы. Отдельные заимствованные цветообозначения рассмотрены автором более подробно: учтена их семантика, употребление в языке, а также первая регистрация в лексикографических источниках, в отдельных случаях – в других источниках, в основном – в периодических изданиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: латышский язык, лексикология, семантика, заимствования, цветообозначения.

ANNOTATION

Besides modifying colour names with such adverbs as *gaiši*, *tumši*, *koši*, *bāli*, etc. which express the intensity of colour, the Latvian language also employs a wide range of terms borrowed from other languages to denote various colour shades and nuances.

The article discusses three groups of borrowed colour names in Latvian. The characteristic features of each group as well as the semantics of each of these words are provided

by also including their first mention in lexicographic publications or other sources (mostly mass media).

KEY WORDS: Latvian language, lexicology, semantics, loan words, colour names.

Цвета – это один из способов восприятия окружающего нас мира, неотъемлемая часть нашей повседневной жизни. Но каково определение понятия «цвет»? Ответ на этот вопрос можно найти в толковых словарях латышского языка. «Словарь латышского литературного языка» слово *цвет* определяет как: ‘Ощущение зрения, восприятие, вызванное волнами видимого света; чувство видения, восприятие, традиционно связанное с образом неких предметов, веществ’ (LLVV IV 398). Аналогичная концепция цвета также выражена в «Словаре современного латышского языка» (MLVV).

Природа цвета нематериальна; Симона София Валке описывает это так: «Без света нет цвета, а сам цвет не имеет материального существования в реальном мире, это плод сенсорной интерпретации. Информация об электромагнитных частотах наш мозг переводит как цвет, объект не имеет цвета, структура его поверхности позволяет отражать частоты, создавая восприятие цвета» (Valke 2012: 133). Таким образом, нельзя отрицать, что восприятие и интерпретация цвета основаны на весьма субъективных факторах и зависят в том числе от возрастной группы, к которой принадлежит индивидуум, от его пола, национальной принадлежности, культурной среды, а также непредсказуемых психологических и эмоциональных особенностей конкретной личности.

Многие области исследований – физика, психология, эстетика, искусство и многие другие – фокусируют внимание на цветах как на одном из основных средств восприятия мира. Цвета также можно рассматривать с лингвистической точки зрения – анализируя названия цветов, которые являются неотъемлемой частью словарного запаса и помогают нам выражать окружающий мир. Поэтому внимание многих лингвистов, особенно исследователей лингвистической семантики, было обращено к цветообозначениям и их семантике, выразить которую зачастую не так просто, а порой даже проблематично.

Моника Михалишина выражает мысль о том, что названия цветов определяет конкретное, в неязыковой реальности существующее явление, которое можно охарактеризовать законами физики. Однако попытка определять цвета с помощью терминологии физики не позволяет каким-либо образом правильно раскрывать семантику цветовых дескрипторов в определенном языке. Исследование цветообозначений – это не просто описание их физических характеристик (Mihališina 2002: 75).

Что же касается семантики цветообозначений, физические характеристики фактически становятся объектом второго плана. Использование в языке названий цветов и их нюансов имеет более важное значение. В определение цветообозначения должна быть включена информация о том, как цвет воспринимается в умах пользователей языка, а также о его специфических особенностях в культурном контексте (Mihališina 2002, 75).

К исследованию цветообозначений латышского языка в лингвистическом аспекте обращалось сравнительно немного языковедов. Петерис Шмит среди прочего изучал цвета, описывающие древнелатышскую одежду (Šmits 1923: 7–33); Дайна Земзаре исследовала цветообозначения, описывающие масть коров (Zemzare 1971: 189–200); Инесе Эдельмане писала об основных латышских цветах (Ēdelmane 1971: 73–85); Антония Ахэро сосредоточилась на сложных названиях цветов (Ahero 1965: 31–38); Гунта Лейнице описала цветообозначение *mēļš* (Lejniece 1979: 153–156); Расма Грисле изучила цвета масти лошадей (Grīslē 1995: 40–43); а Лаймуте Балодэ писала о черном цвете в гидронимах (Balode 2001: 110–122). Автор статьи также во многих публикациях рассматривала названия цветов в лингвистическом аспекте (см., напр., Roze 2010a: 57–67; Roze 2010b: 50–61; Roze 2012: 292–307).

Отдельной группе цветообозначений посвящена и эта статья.

С лингвистической точки зрения названия цветов можно разделить на простые и сложные; по принципу создания – на первичные и вторичные, а по признаку происхождения – на унаследованные и заимствованные.

Среди первичных цветообозначений латышского языка обозначающих основной цвет (*dzeltens* ‘желтый’, *sarkans* ‘красный’, *zaļš* ‘зеленый’, *zils* ‘синий’ и др.), имеют место также первичные цветообозначения, обозначающие нюансы цвета. В числе этих названий подавляющая часть – заимствования, такие как *bēšs*, т. е. *бежевый* ‘светло-коричневый’, *palss*, ‘серовато-бледно-желтого цвета; желтый’, *šatens*, т. е. *шатен* ‘каштановый’, *bordo*, т. е. *бордовый* ‘темно-красный’, *marengo*, т. е. *маренго* ‘темно-серый’ и др.¹ К тому же эти цветообозначения имеют очень высокую степень обобщения, поэтому с лингвистической точки зрения определить названия первичных цветов достаточно трудно. Это доказывает метод разработки толкования подобных цветообозначений в толковых словарях, где вместо определения цвета мы наблюдаем *описание цвета* с помощью:

¹ К тому же не всегда семантика заимствованного названия цвета соответствует семантике названия в языке-доноре (или языке-посреднике). Это особенно относится к слову *маренго*, которое в латышском языке имеет значение ‘темно-серый’, а во французском языке – ‘коричнево-красный’.

давние (XVII – начала XX вв.) и современные (конца XX – начала XXI в.) источники.

Хотя, как уже упоминалось выше, некоторые статьи о различных цветообозначениях латышского языка были опубликованы, в подобной совокупности заимствованные цветообозначения, обозначающие нюансы цвета, нигде ранее рассмотрены не были. Поэтому данное исследование следует рассматривать как первый опыт анализа упомянутых цветообозначений такого рода.

Данные лексикографические источники были выбраны для исследования потому, что именно они являются наиболее значимыми лексикографическими источниками латышского языка данного периода. К тому же в этих словарях часто указана и семантика конкретного цветообозначения.

Касательно определений, используемых в статье, должно пояснить, что под непроечными словами подразумеваются простые цветообозначения, образованные без помощи префиксов и суффиксов. Язык-донор определен как язык, из которого заимствовано конкретное слово, а языком-посредником назван язык, через посредничество которого слово было заимствовано (см. VPSV 301, 373).

В латышском языке представлено довольно значительное число цветообозначений нелатышского происхождения. Наряду с наречиями, которые в латышском языке обозначают различные нюансы того или иного цвета, например, *gaiši* (светло-), *tumši* (темно-), *koši* (ярко-), *bāli* (бледно-) и т. п., для названия оттенков цвета используется также целый ряд заимствованных цветообозначений. Главное различие между теми и другими в бесспорной компактности заимствованных слов, в возможности одним словом описать нюанс цвета, для обозначения которого при помощи унаследованных лексем необходимо более детальное описание (аналогичную картину видим и в русском языке, например, *бордовый* – темно-красный, *пурпурный* – яркий красновато-фиолетовый, *хаки* – зеленовато-коричневый, *оранжевый* – яркий красновато-желтый или желтовато-красный и т. п.). Заимствованные слова дают подробную характеристику нюанса цвета, обладая четкой возможностью характеризовать внешность среды или реалии, к тому же части из них присуща некоторая экзотика и необычность.

Являющиеся объектом исследования данной статьи прилагательные, обозначающие нюансы цвета, были разделены на **три группы**:

- самые ранние и / или наиболее известные и распространенные заимствования (*lillā* ‘лиловый’, *violetis* ‘фиолетовый’, *oranžs* ‘оранжевый’, *rozā* ‘розовый’) определены **в первую группу**;
- более поздние и / или менее известные заимствования (*bēšs* ‘бежевый’, *blonds* ‘блондин’, *brunets* ‘брюнет’, *šatens* ‘шатен’, *palss, pāls*,

rāts ‘бледный, желтоватый, желтовато-серый’, *karmīns* ‘карминный’, *purpurs* ‘пурпурный’) определены во **вторую группу**;

- а самые поздние и самые малоизвестные заимствования (*indigo* ‘индиго’, *bordo* ‘бордо, бордовый’, *haki* ‘хаки’, *marengo* ‘маренго’) – **в третью группу**.

В данной статье они рассматриваются, во-первых, с учетом первой регистрации в лингвистическом источнике, которая (по крайней мере, приблизительно) помогает определить время заимствования, т. е. появление слова в латышском языке; во-вторых, указывается происхождение слова (что иногда показывает семантическую связь со словом языка-донора), а также учтено употребление слова как в более древних, так и в современных источниках, что делается с целью выявления возможных семантических различий.

Первую группу заимствованных цветообозначений латышского языка составляют, как уже упоминалось, относительно давние заимствования, которые также часто воспринимаются органичной частью латышского языка и прочно вошли в повседневное употребление, редко воспринимаемые как «чужие». Это цветообозначения *oranžs* ‘оранжевый’, *rozā* ‘розовый’, а также *lillā* ‘лиловый’ и *violets* ‘фиолетовый’ (которые в сущности обозначают один и тот же цвет).

Цветообозначение *lillā* ‘лиловый’ в латышском языке заимствовано из немецкого языка⁴. Впервые в лексикографическом источнике на латышском языке оно встречается во второй половине XIX века – в 1880 году, в «Немецко-латышском словаре» К. Ульмана и Г. Браже, где нем. *lila* переведено *farkani fils, lila* (Ulmann, Brasche 1880: 490). Немного ранее цветообозначение *lillā* зафиксировано в периодических изданиях, как например, [...] *filgans lilla tibet mehtelis* [...] ‘синева-лиловое тибетовое пальто’ (*Latviešu Avīzes*), [...] *gabals pašchaufstas drahnas, kleites teeša, pelleka un lilla* [...] ‘отрезок самотканного сукна для платья, серый и лиловый’ (*Mājas Viesis*).

В современном латышском языке значение цветообозначения *lillā* ‘лиловый’ почти не изменилось. Как и рассматриваемое в дальнейшем *violets* ‘фиолетовый’, оно обозначает *красновато-синий* (или *синева-красный*) цвет и в толковых словарях даже объясняется аналогичным заимствованным цветообозначением *violets* ‘фиолетовый’ (LLVV IV 712). Этот способ толкования как будто указывает на то, что *lillā* ‘лиловый’ менее подходит для употребления в литературном языке. Однако с такой трактовкой не хотелось бы согласиться, о чем свидетельствует употребление *lillā* в языке, в том числе и в литературных источниках.

⁴ Сравним с немецким *lila* ‘fliederblau’, т. е. цвета сирени (Kluge 1975: 441).

Для цветообозначения *lillā* характерно как употребление в прямом значении (напр., *lillā virši* ‘лиловый вереск’, *lillā ceriņi* ‘лиловая сирень’), так и в переносном смысле:

- со значением ‘пьяный’ (в контексте: «[...] *biju gluži lillā*.» – «*Kad tad tu neesi «lillā»?*» *Līze rupji iesaucās*. «*Kauns gan ir, kad apdomā, ka tik jauns cilvēks jau tik liels dzērājs!*» («[...] я был совершенно (букв.) лиловым.» – «А когда же ты не (букв.) лиловый!» *Лизе грубо вскрикнула*. «*Стыдно подумать, что такой молодой человек уже такой пьяница!*» (Blaumanis 1993: 377))⁵;
- со значением ‘(жить) легко, без препятствий, без проблем’, напр., *dzīvot opā lillā!* (жить лилово!).

Цветообозначение *violets* ‘фиолетовый’ в латышском языке также заимствовано из немецкого языка⁶. Впервые в лексикографическом источнике на латышском языке оно встречается в начале XX века – в 1906 году – в словаре иностранных слов Е. Дравниекса *Svešu vārdu grāmata: violets*, т. е. *фиолетовый* ‘*iezils, zils kā vijolīte*’ (‘синеватый, цвета фиалки’) (Dravnieks 1906: 289).

Употребляется оно лишь для характеризования цвета (напр., *violetas ēnas* ‘фиолетовые тени’, *violeti īrisi* ‘фиолетовые ирисы’, *violeti saulrieta mākoņi* ‘фиолетовые тучи заката’).

Этимомом следующего цветообозначения – *oranžs* ‘оранжевый’ – является французское *orange* ‘апельсин’ (SVV 1999: 538). Это цветообозначение, обозначающее *красновато-желтый* или *желтовато-красный* цвет и имеющее словарное толкование ‘красновато-желтый, цвета апельсина’, в латышский язык вошло сравнительно недавно. В двуязычных словарях, вышедших с XVII по XIX век, это цветообозначение, насколько известно, не встречается; впервые оно зафиксировано лишь в первой половине XX века. В словаре К. Дуцмана «Политическая и общая книга иностранных слов» находим прилагательное *oranžs* ‘оранжевый’ с толкованием ‘желто-алый’ (Ducmanis 1921: 265), а в словаре *Latviešu konversācijas vārdnīca* к слову *oranžs* добавлено указание, что слово заимствовано из французского языка,

⁵ По мнению автора, у этого переноса значения имеется два предположительных объяснения: 1) связь на почве фонетического сходства со словом *pilns* (также разг. *pillā*) букв. ‘полный’ со значением ‘в состоянии сильного опьянения’; 2) метафорическая связь с цветом лица (носа) пьющего человека (ср. со словом *ziliķis* (LLVV VIII 633 – *zildegunis*) ‘синюшник’ со значением ‘алкоголик, пьяница’).

⁶ Немецкий *violett* также обозначает цвет между синим и красным (*in der Färbung zwischen Blau und Rot liegend* ‘veilchenfarben lila’, т. е. окрас между синим и красным – лиловый, цвета фиалки (EW 1517)).

и толкование ‘на золото похожая смесь красного и желтого цвета’ (LKV XV 29914).

Иллюстративный материал показывает, что „визуальных“ нюансов у этого цветообозначения довольно много. Они охватывают тона, начиная с близких к красному до близких к желтому цвету. Прилагательное *oranžs* ‘оранжевый’ в латышском языке в основном используется для обозначения цвета окружающих реалий. Гамму оранжевого цвета приходится считать довольно ограниченной; ограничено и количество реалий, которые характеризуются цветообозначением *oranžs* ‘оранжевый’. Это происходит из-за того, что, как только цвет, присущий какой либо реалии, более близок к желтому или красному, вместо слова *oranžs* используются обозначения *oranždzeltens* ‘оранжевато-желтый’ или *oranžsarkans* ‘оранжевато-красный’.

Намного реже *oranžs* ‘оранжевый’ используется в переносном смысле, к тому же и в этих случаях сохраняется связь с обозначением цвета. Оранжевыми и связанными с оранжевым (*oranžie*, *oranžisti*) в латышском языке называют партии, организации и т. п., которые цветом своего логотипа выбрали оранжевый цвет. Самые распространенные случаи употребления обозначений *oranžs*, *oranžie* в латышском языке связаны с:

- обозначением демократических сил Украины в начале XXI века (*оранжевая революция*, *оранжевые партии*, *оранжевые силы*, *в Украине победу празднуют оранжевые* и т.);
- Латвийской Народной партией (*Tautas partija*) и ее членами (*оранжевое правительство*, *оранжевые министры*, *оранжевые депутаты*, *оранжевая Латвия* и т. п.); но после ухода данной партии с политической сцены Латвии данное обозначение стало неактуальным.

Следующее заимствованное цветообозначение – *rozā* ‘розовый’, которое завершает эту группу, – заимствовано из немецкого *rosa* ‘розовый’. Обозначение *алого* или *красноватого* цвета *rozā* впервые в лексикографических источниках латышского языка зафиксировано во второй половине XIX века – в «Книге иностранных слов» (*Svešu vārdu grāmatā*) (1878) Ф. Мекона с толкованием *rožufērvīgs* ‘цвета роз’, *gaišisarkans* ‘алый’ (Mēkons 1878: 33), где оно довольно тесно связано по значению с одной конкретной реалией – розами. Такой тесной связи в современном латышском языке нет, с розами, цветом роз более тесно связано другое цветообозначение – *rozāins* ‘цвета роз, розовый’.

«Толковый словарь латышского литературного языка» и «Словарь современного латышского языка» этому цветообозначению дает толкование *gaiši sārts* ‘светло-алый’ (LLVV VI² 699; MLVV).

Фактически *rozā* обозначает тот же самый тон цвета, что и цветообозначения *sārts* ‘алый’, *gaiši sarkans* ‘светло-красный, алый’, *iesarkans* ‘красноватый’ и. т. п.⁷.

Нельзя не упомянуть, что этот цвет имеет довольно широкую гамму, которая расширяет восприятие цветообозначения, на что указывают сложные цветообозначения с компонентом *rozā* ‘розовый’ во второй части слова, напр., *gaišrozā* ‘светло-розовый’, *tumšrozā* ‘темно-розовый’, *vecrozā* ‘розовый цвет с сероватым или лиловатым оттенком’, *bēbišrozā* ‘светло-, ярко-розовый, характерный для детской одежды, детских вещей’.

Цветообозначение *rozā* используется также и в переносном смысле:

- обозначая что-то светлое, радужное, возможно, нереальное, напр., *skatīties caur rozā brillēm* ‘смотреть через розовые очки’, *auklēt rozā cerības* ‘лелеять розовую надежду’;
- ‘связанный с девочками, девушкам, женщинами, с чем-то девичьим, женственным’, например, *розовая коммуна* ‘женское общежитие’, пример в контексте: *Сейчас мы обратимся к более женственной части Украины, к более сексуальной части, к розовой части, к украинским свадьбам* (LTV1);
- ‘связанный с женским гомосексуализмом’ (напр., *розовые девочки, розовая любовь*).

Во **вторую**, самую большую, **группу** заимствованных цветообозначений латышского языка определены цветообозначения, которые не в такой мере, как уже упомянутые, но все же достаточно продолжительно и стабильно являются частью лексики латышского языка. Несмотря на свое прочное место в языке, они все же психологически воспринимаются как заимствованные и довольно чуждые. Это названия цвета: *bēšs* ‘беж, бежевый’, *blonds* ‘блондин’, *brunets* ‘брюнет’, *šatens* ‘шатен’, *palss, pāls, pāts* ‘бледный’, ‘бледно-серый’, ‘бледно-желтый’, *karmīns* ‘карминный’, *purpurs* ‘пурпурный’.

В лексикографических источниках латышского языка эти цветообозначения впервые зафиксированы в период с 1638-го (*palss, pāts*) по 1980-й год (*šatens* ‘шатен’). Место этих цветообозначений в латышском языке

⁷ Обращаясь к цветообозначению *rožains* ‘алый, розовый’ (аналогом которого является словосочетание *rožu krāsa* ‘цвет розы’), надо отметить, что, по мнению автора, *rožains* ‘алый, розовый’ и *rožu krāsa* ‘цвет розы’ обозначают один из нюансов розового цвета и не являются идентичными обозначением этого цвета. Предположительно возможно, что цветообозначение *rožains* ‘алый, розовый’ (а также производная форма *rozīgs* ‘розоватый’) является латышским аналогом заимствованного цветообозначения *rozā* ‘розовый’. По мнению автора, аналогичную, если не идентичную семантику имеет и цветообозначение *sārts* ‘алый’ (см. Roze 2015: 215, 216, 229, 300, 301).

стабильно, но менее актуально, чем у цветообозначений первой группы. В то же время они не так проблематичны как те заимствования, к которым обратимся немного позже.

Частотность употребления этих слов относительно небольшая, все они используются только для характеризования объектов окружающей среды. У некоторых из них имеются ограничения в использовании.

Рассмотрим их подробнее.

Цветообозначение *bēšs* ‘беж, бежевый’ происходит от французского *beige* ‘песочного цвета, светло-коричневый’ (SVV 1999: 101). В латышский язык, скорее всего, оно вошло через посредничество немецкого или русского языка. Впервые в лексикографическом источнике латышского языка оно появляется сравнительно поздно – только в 1973 году в «Словаре латышского литературного языка», где ему дается толкование ‘песочного цвета’ (LLVV II 62); слово зарегистрировано и несколько лет спустя – в «Частотном словаре латышского языка» (LBV). Ни в одном другом словаре – ни словаре иностранных слов, ни в словаре правописания, это слово обнаружено не было. Кроме словаря 1976 года прилагательное *bēšs* встречается еще в нескольких лексикографических источниках с аналогичным объяснением: ‘светло-коричневый, песочный’ (SVV 1978: 102), ‘песочный, светло-коричневый’ (SVV 1999: 101), ‘цвета песка’ (LVV 2006: 165) и ‘цвета песка, коричневатый’ (MLVV). Резюмируя словарные данные, можно сделать вывод, что заимствованное цветообозначение *bēšs* соответствует аналогичному сложному обозначению цвета латышского происхождения *smilšu krāsa*, *smilškrāsa* ‘цвета песка, песочный’, которое, например, в «Словаре латышского литературного языка» определяется как ‘светло-коричневый с желтоватым оттенком’ (LLVV VII² 51).

Тот факт, что слово *bēšs* использовалось в латышском языке до его первой регистрации в лексикографическом источнике в 1973 году, подтверждает относительно широкое использование слова, например, в периодических изданиях 30-ых годов прошлого века, где *bēšs* используется для описания многих реалий (обуви, одежды, аксессуаров, реже – для описания масти животных), например: *Sensacionāla prāva Rīgas mīrtiesā par bēša krāsas rokas somiņu. (Rīts)* ‘Сенсационное судебное разбирательство в Рижском суде о сумочке бежевого цвета’/ *Uzmanību! Kas būtu atradis vai pircis [...] no jaunekļa bēša krāsas sporta uzvalkā dāmu veczelta kabatas pulksteni [...], ļoti lūdzu paziņot pret atlīdzību. (Jaunākās Ziņas, 18. 06. 1938.)* ‘Внимание! Если кто то нашел или купил [...] у молодого человека в спортивном костюме бежевого цвета женские карманные часы из старого золота [...], просим сообщить за вознаграждение’.

В современном латышском языке семантика цветообозначения *bēšs* практически не изменилась. Оно в основном используется для обозначения цвета разных реалий (в основном – одежды и предметов интерьера), а также масти животных, напр., *Viņš iznāk, mazliet sagumis uz priekšu, bēšā vējaka ir daļēji aizvērtā* (jauns.lv/raksts/zinas) ‘Он выходит, немного наклонившись вперед, бежевая куртка частично закрыта.’/ *Viesistabā, melodiski naidēdams, ieskrēja bēšs kaķis ar viegli rudiem rakstiem.* (www.kurbijkurne.lv/daildarbi) ‘В гостиную, мелодично мяукая, забежала бежевая кошка со светло-рыжим узором’.

Как это часто бывает с названиями цветов, прилагательное *bēšs* имеет полностью абстрактную семантику. По форме в текстах оно используется либо отдельно, т. е. само по себе (напр., *bēšs telefons* ‘бежевый телефон’, *bēšs krēsls* ‘бежевый стул’, *bēši svārki* ‘бежевая юбка’), либо в сочетании с наречием, которое оттеняет интенсивность цветового тона (напр., *gaiši bēšs*, *viegli bēšs* ‘светло-бежевый’, *tumši bēšs* ‘темно-бежевый’, либо в сочетании с существительным *krāsa* ‘цвет’ (напр., *bēša krāsas kleita* ‘платье бежевого цвета’, *suns bēšā krāsā* ‘собака бежевого цвета’), либо в сочетании с наречием, которое оттеняет цвет основного компонента (напр., *peleki bēšs* ‘серовато-бежевый’, *dzelteni bēšs* ‘желтовато-бежевый’).

Второе цветообозначение этой группы – **blonds** заимствовано из французского *blond* ‘светлый (о волосах), светловолосый’ (SVV 1999: 110). В латышский язык оно попало, скорее всего, через посредничество немецкого или русского языка.

Первая регистрация названия цвета *blonds* в латышской лексикографии обнаружена в словаре иностранных слов *Svešu vārdu grāmata: grāmatniekiem un laikrakstu lasītājiem* Екаба Дравниекса с указанием, что оно заимствовано из французского языка с толкованием ‘светлый (со светлым лицом и желтоватыми волосами)’ (Dravnieks 1906: 39; Dravnieks 1914: 49).

Цветообозначение *blonds* используется только для описания цвета волос (реже – усов, бороды), а также для обозначения человека, у которого такой цвет волос.

В современных лексикографических источниках это цветообозначение толкуется следующим образом: ‘светлый (о волосах); светловолосый’ (SVV 1978: 110; SVV 1999: 110); ‘светлый (о волосах)’ (LLVV II 104); ‘светлый, желтоватый (о волосах); такой, у которого светлые, желтоватые волосы; светловолосый’ (LIVV 2006: 176) и ‘светлый (о волосах); светловолосый’ (MLVV).

Поскольку слово *blonds* обозначает только цвет человеческих волос, невозможно семантически различить интенсивность цветового тона или точно определить сам цвет, если неизвестно, как выглядит реальный объект.

В отличие от толкований в других словарях, где прилагательное *blonds* обозначает только светлый цвет человеческих волос (усов, бороды), единственное уточнение, что этот цвет, вероятно, является одним из тонов желтого, приведено в LVV 1987 и LVV 2006 – ‘светлый, желтоватый (о волосах); такой, у которого светлые, желтоватые волосы; светловолосый’.

На практике прилагательным *blonds* обозначают цвет от светло-коричневого до платинового белого. Следующие примеры иллюстрируют использование прилагательного в языке, предоставляя также ссылки на его семантику: *Lipsts pameta ar ikšķi uz krauju un domīgs nopurināja blondo bārdu.* (Zeberīņš: 8) ‘Липст указал большим пальцем на обрыв и задумчиво покачал светлой бородой.’ / *Jaunais cilvēks bija blonds, gaiši blonds, tā kā sudrabainiem matiem; seja šķīta kaila, skropstas tik tikko atšķīramas no baltās sejas [...]* (www.atena.lv) ‘Молодой человек был блондином, светлым блондином, как будто с серебристыми волосами; лицо казалось голым, ресницы едва различимы от белого лица [...]’ / *Blonds tu pats ar gaišiem linu matiem, Tad tev labi piestāv zilas acis. Manam mīlam gan, tam tumši mati.* (Rainis 1948: 464) ‘Блондин ты сам со светлыми волосами цвета льна, Тебе идут голубые глаза. У моего любимого волосы темные’.

Кроме того, в разговорной речи существует фразеологизм *blondais grēks* ‘светловолосый грех’, которое обозначает сексуально привлекательного человека со светлыми волосами, т. е. такого, вид которого вызывает греховные мысли, желание грешить (прелюбодействовать) (см. LSV 2006: 175). Встречается также употребление *blonds* в переносном смысле со значением ‘такой, у кого относительно низкий уровень интеллекта, недогадливый (обычно про женщину)’.

Следующее имя прилагательное первой группы – *brunets* ‘брюнет’ – заимствовано из французского *brunet* ‘человек с коричневыми, темными волосами; темноволосый’ (SVV 1999: 116), в латышский язык оно попало через посредничество немецкого или русского языка.

Первая регистрация цветообозначения *brunets* в лексикографическом источнике латышского языка обнаружена в словаре иностранных слов, составленном Екабом Дравниексом (*Jēkabs Dravnieks*) *Svešu vārdu grāmatā: grāmatniekiem un laikrakstu lasītājiem*, где цветообозначение *brunets* с вариантом *brinets* дано с указанием, что оно заимствовано из французского языка, и с толкованием ‘с темным лицом и темными волосами’ (Dravnieks 1906: 42; Dravnieks 1914: 52).

Это цветообозначение используется только для обозначения цвета волос (усов, бороды) человека: ‘такой (человек), у которого коричневые, темные волосы’ (LLVV II 132), ‘с коричневыми, темными волосами (о человеке)’ (MLVV).

В практическом употреблении в тексте прилагательное *brunets* также используется только для обозначения цвета человеческих волос (усов, бороды), напр.: *Šarlotes ielā joprojām stāv sardzē [...] brunets vīrietis [...]* (www.google.lv) ‘На улице Шарлотес все еще на страже стоит мужчина брюнет’ / *Sēdēju kādu vakaru dāmu garderobes istabā aiz kulisēm, un man blakām, skatos, sēd bruneta jaunkundze ar melnām, dzirkstelīgām acīm [...]* (www.tvnet.lv/apollo/arhivs/327979-par_pirmo_latviesu_sabiedribas_elku) ‘Однажды вечером я сидел в женской раздевалке за кулисами, и рядом со мной, гляжу, сидит барышня-брюнетка с черными, искрометными глазами [...]’.

Прилагательное *brunets* используется сравнительно редко. Возможная причина этого может быть в том, что большинству пользователей языка слово *brunets* незнакомо; если кто-то и слышал его, то, даже при связи по фонетическому сходству *brunets* – *brūns*, превалирует более знакомое обозначение *brūniem matiem, tumšmatains* ‘с коричневыми волосами, темноволосый’.

Следующее цветообозначение *šatens* заимствовано из французского *châtain* ‘каштановый (только о цвете волос человека)’ (SVV 1999: 767).

Первая регистрация *šatens* в лексикографическом источнике на латышском языке обнаружена в 1991 году, в «Словаре латышского литературного языка», где ему дано толкование ‘каштановый (о волосах человека, о цвете волос человека)’ (LLVV VII² 338; MLVV). Но и в этом случае первая регистрация все же не означает то же самое, что первое использование. Факт, что название цвета *šatens* в латышском языке было известно намного раньше, подтверждает использование его в периодических изданиях 30-ых годов XX века, напр.: *Esmu 21 g[adu]. v[eca]., šatena, sl[aida]. aug[uma]., dzīves priec[īga]. jaunava [...]* (*Jaunākās Ziņas*, 31.03.1938) ‘Мне 21 год, я стройная, жизнерадостная шатенка [...]’ / *Latgales apgabaltiesas 1. kriminālnodaļa [...] meklē [...] apsūdzēto [...], kura sevišķas pazīmes: vidēja auguma, šatens.* (*Valdības Vēstnesis*) ‘1-й уголовный отдел Латгальского регионального суда [...] разыскивает [...] обвиняемого [...], особые приметы которого: средний рост, шатен’.

В качестве прилагательного для обозначения цвета волос *šatens* используется также в современном латышском языке, о чем свидетельствуют примеры: *Nem nost tankistu cepures, bet zem tām šatēni cekuli [...]* (*Rīgas Laiks*) Снимают шапки танкистов, а под ними шатеновые кудри [...] / [...] *Merilina nebija dabiska blondīne. Viņas dabiskā matu krāsa ir šatena [...]* (spoki.tvnet.lv) ‘Мэрилин не была натуральной блондинкой. Ее естественный цвет волос – шатенка.’

Цветообозначение *palss*, следующее в этой группе, заимствовано из немецкой диалектной формы *falch* (ME III 63). Наряду с ниже рассмотренным

словом *rāts* оно появилось в латышском языке очень рано. Так, первая регистрация *palss* в лексикографическом источнике зафиксирована еще в XVII веке: в словаре Г. Манселя *Lettus* (1638), где немецкое словосочетание *fahl Pferd* переведено как *pallß SIRR*x (Mancelius 1638: 273). В XVIII веке в словаре Г. Ф. Стендера (1789), в немецко-латышской части название цвета *fahl* переведено как *bahls, palfs* (Stender 1789: 227), а в латышско-немецкой части цветообозначению *palfs* дан перевод *fahl, falb, gelblicht* (Stender 1789: 186). В XIX веке в словаре Г. Браже (1875) находим цветообозначение *palfs* с переводом на немецкий язык *fahl, gelblich* (Brasche 1875: 121), *palfs* также встречается в словаре К. К. Улманиса и Г. Браже (1880).

Подводя итог, можно заключить, что семантика слова *palss* в лексикографических источниках XVII–XIX веков связана с бледно-желтым цветом, используемым для описания масти лошадей.

Единственной причиной отнесения прилагательного во вторую группу является то обстоятельство, что и само слово, и его семантика не достаточно хорошо известны носителям языка.

В толковых словарях современного латышского языка семантика *palss* почти аналогична: 1. ‘тусклый, также серый’, 2. ‘тускло желтый, желтоватый, с сероватым оттенком (о масти лошади)’ (LLVV VI¹ 219); ‘тусклый, бледный, сероватый’ (LVV 1987: 568); ‘белесоватый цвет, белесый, сероватый, коричневатый’ (LVV 1993: 536).

Примеры употребления слова *palss* в большинстве случаев полностью не раскрывают семантику слова: *Uz ezermāles tecīņas stāv zirgs – plats, lēnīgs un palss*. (*Jaunā Gaita*, Nr. 144, 1983) ‘На дорожке у озера стоит лошадь – широкая, покладистая, белесая.’ / *Acu priekšā joņoja zirgi – palsas krēpes plandot*. (Repše 1990: 187) ‘Прямо перед глазами пробежали лошади с белесыми гривами’.

Часть примеров намекает, что цвет можно относить также к окраске других животных: *Atālam pārlido Svētēlis palss* [...] (www.dzeja.info) ‘Через скошенный луг пролетает белесый аист [...]’ / *Palss kaķītis pavīdēja aiz ceriņiem, piesaistīdams bērnu uzmanību*. (Bels 1987: 234) ‘Белесая кошечка мелькнула за кустом серени, привлекая внимание ребенка.’

Прилагательное *pāls* впервые в лексикографическом источнике было зарегистрировано в 1927 году – в «Словаре латышского языка» К. Миленбаха, где видим два значения: нем. *bleich* ‘бледный’ и нем. *isabelfarben* ‘серовато-белесый’ (ME III 147).

В словарях современного латышского языка семантика слова отличается: мы уже не находим значения ‘бледный’, вместо него появилось значение ‘светлый с желтоватым оттенком (о масти лошади)’ (LLVV VI¹ 218)) и ‘светлый серовато-желтый’ (LVV 1987: 568; LVV 2006: 767).

Название цвета *pāls* используется в основном для обозначения масти лошади, напр.: *Lielais pālais Ksars [zirgs] nāca pa priekšu. Pirmajā acu uzmetienā viņš nemaz nelikās tik liels, vajadzēja ieskatīties viņa garajās kājās, muskuļos un kustībās.* (Hemingvejs 1971: 104) ‘Большой белесый Ксар [конь] шел первым. С первого взгляда он не выглядел крупным, надо было по-внимательнее присмотреться к его длинным ногам, мускулам и движениям.’

В основе следующего прилагательного этой группы *pāts* лежит ливское, эстонское *pāt* ‘бледный, тусклый’ (ME III 191). Первая регистрация в лексикографическом источнике на латышском языке встречается во второй половине XVIII века – в словаре Я. Ланге, где находим словосочетание *Pahtajs firgs* с интересным переводом на немецкий язык ‘ein Rehhaar, al. Eiergelb’, т. е. ‘желтоватой масти (лат. *ar pātu spalvu*), цвета яичного желтка’ (Lange 1773: 225), и в словаре Г. Ф. Стендера, где цветообозначение встречается в словосочетании *pahtajs firgs* с переводом на немецкий язык *Rehhaar Pferd* ‘лошадь цвета косули’ (Stender 1789: 185).

В «Словаре латышского языка» К. Миленбаха цветообозначению *pāts* дан перевод на немецкий язык ‘isabellfarben’ с указанием, что название цвета используется для описания масти такой лошади или коровы, которая по цвету схожа с цветом оленя (лат. *brīža spalvā*) (ME III 191).

В словарях современного латышского языка цветообозначение *pāts* характеризуется довольно подробно: ‘коричневато-желтый, желтовато-коричневый с черным, коричневым или серовато-желтым хвостом и гривой (о масти животных)’ (LLVV VI¹ 527). Следовательно, семантика цветообозначения почти такая же, как и в словарях XVIII века.

Употребления данного слова в художественной литературе и справочниках показывают, что в основном *pāts* используется для описания масти лошадей: *Visu Zirgu Pilnsapulcē melnie, baltie, bērie un dūkanie, sirmie, pātie un ābolainie teica: «Var gadīties, ka mašīnas visu uzvar un mums būs jāiet bojā.»* (Ziedonis 1997: 25) ‘На собрании лошадей все – черные, белые, саврасые, темно-коричневые, светло-серые, желтоватые и лошади в яблоках – сказали: «Может получится так, что машины победят и мы погибнем.»’ / [...] *kad Teitoņa ordenis iekaroja Austrumprūsiju, šīs zemes milzīgajos mežos bijis daudz losa, pāta un pelēka apmatojuma savvaļas zirgu.* (Baltakmens, Stukuls 1978, 8) ‘[...] когда Тевтонский орден завоевал Восточную Пруссию, в обширных лесах этой земли было много желтоватых, серовато-желтых и серых лошадей’.

Следующее цветообозначение второй группы – *karmīns* ‘карминный’. Слово происходит от французского *carmin* (SVV 1999: 343), которое восходит к средневековскому латинскому *carminium*, которое, в свою очередь, – к арабскому *qirmiz* ‘темно-красный’; на форму слова повлияло латинское слово *minium* ‘киноварь’ (OED).

Рассматривая латышские лексикографические источники, мы находим слово *karmīns* в словаре *Svešu vārdu grāmata* Фридриха Мэкона, где *karmīns* (оно же *karmezins*; ср. с немецким *das Karmesin* ‘*karmīns*’) указано как обозначение цвета и толкуется как ‘светло-красный’ (Mēkons 1878: 16). Такое толкование совершенно не соответствует тому цвету, который обозначается словом *karmīns* в современном латышском языке, т. е. темно-красный цвет.

В русско-латышско-немецком словаре К. Валдемара находим слово *карминь*, лат. *karmins* (*loti sarkana krahsa*, т. е. ‘ярко-красный цвет’), нем. *carmin* (Valdemārs 1872: 199). Пояснение в скобках *loti sarkana krahsa* указывает на насыщенность цвета, но не дает полной уверенности в том, что имеется в виду именно цвет, а не красящее вещество.

По отношению к слову *карминь* (также как и к последующему *пурпурь*) надо отметить, что по крайней мере в русском языке в конкретном случае имеется в виду красящее вещество, а не цвет, поскольку для обозначения цвета обыкновенно используются прилагательные *карминовый* и *карминный*, в основе которых лежит имя существительное *кармин* (Садыкова 2008).

Из всех словарей современного латышского языка только в MLVV *karmīns* определяется как название цвета ‘темно-красное красящее средство, которое получают из особой женского пола нескольких пород щитовки; соответствующий цвет, оттенок’ (MLVV). А LLVV и LVV 2006 слово *karmīns* толкует только как красящее вещество (LLVV IV 166; LVV 2006: 487).

Со значением цвета *karmīns* чаще всего встречается в качестве части сложного слова – *karmīnsarkans* ‘карминно-красный’. Намного реже оно используется в роли обозначения цвета само по себе; такое употребление находим, напр., в названии гриба *karmīna bērslape* [*Russula carminea*] ‘сыроежка карминная’. Помимо этого автономное употребление цветообозначения *karmīns* порой встречается в художественной литературе, периодических изданиях, каталогах: *Kvēl rozēs karmīnā – es dzeru smaržas kāri – Aizloga kokos karmīns, oranžs, zelts [...]* (*Darbs*) ‘Пылают розы карминные – я страстно пью их запах – В деревьях за окном карминное, оранжевое, золото [...]’ / *Ziedi vienkārši – purpura, violeti, karmīna.* (www.vidzemecerini.lv/lv/cerinu-katalogs) ‘Цветы простые – пурпурные, фиолетовые, карминные’.

Обозначение цвета *karmīns* официально обозначено как цвет флага Латвийской Республики, напр.: *Valsts karoga sarkanajai krāsai (karmīns) [...] jāatbilst [...] likuma pielikumā dotajam paraugam* (www.saeima.lv/simbolika/karogs) ‘Красный цвет государственного флага (карминный) [...] должен соответствовать [...] образцу, указанному в приложении к закону’.

Заемствованное цветообозначение **purpurs** произошло от латинского *purpura* ‘иглянка (лат. *purpurgliemezis*); красный цвет’, в основе которого греческое *porphyra* ‘темно-красный цвет’ (SVV 1999: 648). В латышском языке *purpurs* встречается уже в переводе Библии Э. Глика (XVII–XVIII века), но по текстам не ясно, употребляется ли оно для обозначения цвета или ткани.

Первая регистрация в лексикографическом источнике на латышском языке обнаружена также в XVII веке в словаре Г. Манцеля (Mancelius 1638: 138), однако там оно не имеет значения цвета: немецкое *Purpur* переведено (истолковано) как *dahrgha Drehbe / swesfcha Drehbe* т. е. ‘дорогая чужеземная ткань’.

В качестве цветообозначения оно впервые встречается в словаре К. Валдемара (1872), будучи частью сложного слова: рус. *багръ*, лат. *purpurpehrwe*, нем. *Purpurfarbe*; рус. *багряный*, лат. *purpursarkans, tumschi sarkans*, нем. *purpurroth* (Valdemārs 1872: 6).

Несколько лет спустя в словаре Ф. Мэкона *Svešu vārdu grāmata* слово *purpurs* определяется как ‘skaists sarkanums’ т. е. ‘красивый красный цвет’ (Mēkons 1878: 31), а в словаре К. К. Ульмана и Г. Браже немецкое *purpurn* и *purpurroth* на латышский язык переведено *šarkans kà purpurs, purpuršarkans* т. е. ‘пурпурно-красный’ (Ulmann, Brasche 1880: 583).

Различие между обозначением цвета, красителя и ткани в употреблении слова *purpurs* до сих пор установить порой бывает затруднительно.

Толкования, которые включают понятие ткани определенного цвета, красителя, которым красили данную ткань, а также самого цвета, можем увидеть, например, в «Словаре латышского литературного языка» (LLVV), в «Словаре латышского языка» (LVV 2006) и в «Словаре современного латышского языка» (MLVV). В качестве примера посмотрим на толкование слова *purpurs* в LLVV: 1) ‘темно-красный краситель с легким фиолетовым оттенком (в древней Греции, Риме), который добывали из иглянки и использовали для окрашивания тканей; определенный цвет, оттенок’, 2) ‘темно-красная ткань с легким фиолетовым оттенком; одежда, которая изготовлена из такой ткани’ (LLVV VII² 445).

Подобное употребление видим и в примерах из художественной литературы: *Mila Melka* [...] *ģērbusies līdz zemei gaišā purpurā* [...] (Repše 1998: 142) ‘Мила Мелка [...] в светло-пурпурном [...]’ / *Caur šauro logu lija iekšā sarkana rīta blāzma, tērpdamā jauneklā plecus purpurā* [...] (Grīns 30) ‘Через узкое окно брезжила утренняя заря, окутывая плечи юноши в пурпур [...]’.

Это двойное (или тройное) значение слова, которое мы можем наблюдать в словарях XVIII века, сохранилось и в современном латышском языке.

В последнюю – **третью – группу** заимствованных цветообозначений определены заимствованные слова, которые появились в лексике латышского языка относительно недавно и продолжают восприниматься как в некотором роде чужие и не совсем усвоенные в системе языка; это цветообозначения *haki* ‘хаки’, *indigo* ‘индиго’, *marengo* ‘маренго’ и, в несколько меньшей мере, *bordo* ‘бордовый’. Эти цветообозначения вошли в язык в тесной связи с реалией, которая имела тот или иной цвет; они не всегда сразу четко отделимы от этой реалии и продолжают сохранять изначальную тесную связь с ней, как в быте, так и в языке.

Название *haki* ‘хаки’ произошло от английского *khaki*, последнее – от урдского *khāki* ‘цвета пыли’ (SVV 1999: 264). В лексикографическом источнике латышского языка впервые слово зарегистрировано в 1975 году – в «Словаре латышского литературного языка»: в первом значении ‘зеленовато-коричневый цвет; ткань такого цвета’, и во втором значении, обычно в соединении со словом «цвет», в функции прилагательного – ‘зеленовато-коричневый’ (LLVV III 188). В «Словаре современного латышского языка» толкование более точное и объемное: ‘коричневато-желтый, коричневато-зеленый цвет; ткань такого цвета’, и в функции прилагательного ‘в соединении со словом «цвет»: коричневато-желтый, коричневато-зеленый’ (MLVV).

Понятие цветообозначения *haki* в сознании носителей языка главным образом визуально связано с представлением о внешности конкретной ткани или одежды из этой ткани, что, в свою очередь, ассоциативно связывается с опознаваемостью цвета, и, следовательно, вариации в тоне являются незначительными⁸. Такое предположение поддерживают и толковые словари, в которых *haki* описано как: *zaļganbrūna krāsa; audums šādā krāsā* ‘зеленовато-коричневый цвет; ткань такого цвета’.

В то же самое время – в 1975 году – в лексикографическом источнике латышского языка впервые упомянуто и цветообозначение *indigo* ‘индиго’ со значением ‘темно-синее кристаллическое вещество; соответствующее красящее вещество, соответствующий цвет, тон’ (LLVV III 455), заимствование из испанского *indigo*, в основе которого – латинское *indicum* ‘индийский (цвет)’ (SVV 1999: 302). В латышский язык оно пришло через

⁸ Эта ассоциативная связь представляется как *haki* ‘хаки’ → армейская форма или одежда соответствующего цвета.

посредничество немецкого или русского языка⁹. Со значением цвета оно чаще всего используется в словосочетаниях *indigo zils* ‘синий, как индиго’ и *indigo krāsa* ‘цвет индиго’. Без обозначающего цвет имени прилагательного *zils* ‘синий’ цветообозначение *indigo* ‘индиго’ встречается довольно редко, в основном со значением красящего вещества или когда речь идет о цветах радуги. В последнее время *indigo* часто употребляется в словосочетании *indigo bērns*, т. е. ребенок индиго – ‘особенно чувствительный ребенок, который мир воспринимает по-своему’ (MLVV).

Вопрос о происхождении следующего цветообозначения этой группы – *marengo* ‘маренго’ в его изначальной, как, впрочем, и теперешней семантике является довольно проблематичным. В основе названия лежит топоним *Marengo* в Италии, название местности, где произошла жестокая битва с армией Наполеона. По легенде в этой битве было пролито так много крови, что вся земля стала коричневато-красной. С тех пор, например, во французском языке слово *marengo* обозначает коричневато-красный цвет. Позже у этого слова появились и другие значения напр., *пестрый* (без указания на конкретные цвета). В латышском языке (как и, напр., соответствующее слово в русском) *marengo* обозначает *темно-серый цвет*. Позже цветом *marengo* ‘маренго’ начали называть черный цвет с небольшими белыми или серыми крапинками, а в XVIII веке в России словом *маренго* обозначали каштановый цвет, который соответственно был синонимом коричневого цвета, аналогом французского *marengo ou brun* (см. ИСГРЯ 2010).

Впервые в лексикографическом источнике латышского языка это цветообозначение упомянуто в 1978 году в «Словаре иностранных слов», где цветообозначению *маренго* с указанием этимологии (т. е. произошло от топонима *Маренго* в Италии) дано толкование ‘темно-серый цвет’ (SVV 1978: 449). Связь этого цветообозначения с реалией выражена особенно ярко. Принимая во внимание происхождение слова и его тесную связь с

⁹ В немецком языке *Indigo* обозначает синее красящее вещество, которое получали от растения индиго (в восточной Индии); с посредством греческого языка оно попало в Европу и свое название получило от места своего происхождения – из греческого *Indikón* (Ἰνδικόν) ‘индийский, из Индии’. В латинском языке перенятая форма *Indicum* дальше ведет к позднему средненижнемецкому *indich*, раннему нововерхнемецкому *endich*, *endit*. С XVII века ставшая доминирующей форма *Indigo* не произошла (как принято считать) от испанского *indigo*, а от верхнеитальянского *indigo*, *indaco*, поскольку торговля с Востоком велась через итальянские порты (EW 1989–1995). В русский язык *индиго* попало либо от немецкого *Indich* (ИСГРЯ 2010), либо, как указывает другой источник, от испанского *indico*, латинского *indicum* (СИС). В другом источнике указано, что русское индиго ‘синий краситель и соответствующее растение’, вероятнее всего, заимствовано от латинского *indicum*, греческого *ivdikón* через посредничество немецкого *Indigo* или испанского *indigo* (ЭСРЯ 1964–1973).

реалией, которой этот цвет характерен, т. е., с тканью маренго, маловероятным в латышском языке является употребление обозначения цвета *marengo* отдельно от названия конкретной ткани. Об этом свидетельствует и описание *marengo* в «Толковом словаре латышского языка» – ‘темно-серый цвет; шерстяная ткань такого цвета (обычно для костюма или пальто)’ (LLVV V 93). В «Словаре современного латышского языка» оба значения объединены в одном: ‘темно-серый цвет; шерстяная ткань такого цвета’ (MLVV), возможно потому, что по примерам трудно определить – речь идет о ткани или о названии цвета.

Примеры, которые однозначно бы подтвердили использование *marengo* только в качестве названия цвета, автором не обнаружены. Конечно, можно теоретически предположить существование словосочетаний *marengo māja* ‘дом цвета маренго’ или *marengo automobilis* ‘автомобиль цвета маренго’, но все же такое употребление только гипотетично и могло бы рассматриваться лишь как окказиональное. Во всяком случае, такое употребление по данным языка не является актуальным, что, в свою очередь, дает повод предположить, что столь специфическое и тесно связанное с конкретной реалией употребление цветообозначения в языке довольно ограничено.

Последним в этой группе является цветообозначение ***bordo*** ‘бордовый’. Оно произошло от французского *bordeaux*¹⁰, а последнее – от топонима *Bordeaux* (лтш. *Bordo*) во Франции (SVV 1999: 112).

Обозначение цвета *bordo* ‘бордовый’ не зафиксировано ни в одном из лексикографических источников XVII–XIX веков. Впервые в лексикографическом источнике слово зарегистрировано в «Толковом словаре латышского литературного языка» в 1973 году, где *bordo* ‘бордовый’ толкуется только как цветообозначение *tumši sarkans* ‘темно-красный’ (LLVV II 109–110). Позже у слова появляется и другое значение ‘сорт красного вина; вино этого сорта’ и только вторым упоминается цветообозначение ‘темно-красный’ (SVV 1999: 112), таким образом, косвенно указывается на то, что *bordo* ‘бордовый’ обозначает именно такой тон темно-красного цвета, который характерен для вина этого сорта.

В латышском языке цветообозначение *bordo* ‘бордовый’ было знакомо, по крайней мере, с начала XX века, оно часто встречается в периодических изданиях того времени – 20-ые, 30-ые годы, а также в 40-ые, 50-ые годы, напр., *Lietošanas gata vībā ogām jābūt [...] tumši bordo sārtām [...] ‘Спелые ягоды должны быть [...] темно-бордовыми [...]’ (Darba Zemnieks) / Tērpi ir*

¹⁰ Фр. *bordeaux* ‘D’une couleur proche de celle des vins rouges de Bordeaux (rouge France)’, т. е. цвета вина, которое получено из красного винограда сорта бордо (Hachette 1999: 221).

dažādās krāsās – bordo, brūnā, bēšā. ‘Одежда разного цвета – бордовая, коричневая, бежевая’ (*Cīņa*).

В качестве обозначения цвета *bordo* ‘бордовый’ используется и как часть словосочетания *bordosarkans* ‘бордово-красный’, и в качестве имени прилагательного, напр., *bordo kleita* ‘бордовое платье’, *bordo žakete* ‘бордовый пиджак’.

В заключение хотелось бы отметить еще одну интересную тенденцию в появлении новых цветообозначений в латышском языке. Она не связана непосредственно с заимствованными словами, но, по мнению автора, является следующей ступенью в развития цветообозначений. Речь идет о появлении цветообозначений, в которых вовсе не упоминается название цвета и которые вообще не являются прилагательными. Для обозначения цвета в подобных случаях используются лишь названия реальных (к тому же, надо отметить, часто не обладающих конкретным цветом или поэтичных), например, *saullēkts* ‘восход солнца’, *vaniļa* ‘ваниль’, *dzelzs* ‘железо’, *rudens* ‘осень’, *ceriņi dūmakā* ‘сирень в дымке’ и пр.

О перспективе этой тенденции пока судить трудно, но субъективно кажется, что упомянутый способ обозначения цвета занимает все большее и все более значительное место в пространстве языка. Что характерно – встречаются эти условные цветообозначения лишь в литературных текстах и различных каталогах, а не в разговорной речи. Автор предполагает, что таким образом язык с помощью говорящих на нем людей пытается решить затронутую в начале этой статьи проблему – когда обозначение цвета использовано как бы само по себе, то, даже если оно упомянуто в контексте, без подробнейших пояснений непосвященному читателю или слушателю не открываются нюансы цвета. Способ, при котором для обозначения цвета использованы названия реальных без названия цвета, опирается на ассоциативное восприятие носителей языка и, возможно, эффективнее достигает желаемый результат. В противном случае, т. е., если бы желаемый результат остался недостигнутым, вряд ли упомянутый способ обозначения цвета нашел бы столько последователей.

ВЫВОДЫ

Обобщив материал, рассмотренный в данной статье, можно сделать следующие выводы:

- 1) часть заимствованных цветообозначений, которые наиболее рано вошли в словарный запас латышского языка, носителям языка хорошо известны; однако специфические цветообозначения (по

большей части это обозначения масти лошадей, заимствованные в XVII-XVIII веке *palss, pāls, pāts*) вне круга специалистов конкретной индустрии (напр., коневодство, конный спорт) малоизвестны и довольно редко употребляемы;

- 2) более поздние заимствования употребляются реже; от части это происходит потому, что не распространена и реалья, для характеристики которой используется данное цветообозначение (напр., *маренго*), а отчасти потому, что вместо заимствования чаще используется сложное, незаимствованное цветообозначение (напр., вместо *šatens* употребляется *kastaņbrūns* ‘каштановый’, вместо *brunets – tumši brūns* ‘темно коричневый’);
- 3) первая регистрация цветообозначения в лексикографическом источнике не всегда указывает на время возникновения этого обозначения в латышском языке; в отдельных случаях первое употребление слова зафиксировано не в лексикографическом источнике, а в периодическом издании;
- 4) при рассмотрении употребления цветообозначения в более давних и более современных источниках семантические различия между ними практически не обнаружены (за исключением прилагательного *karmīns*); в современных источниках некоторые цветообозначения (напр., *oranžs, rozā*) чаще используются в переносном смысле, но употребление отдельных цветообозначений (напр., *lillā*) в переносном смысле встречается уже в текстах начала XX века;
- 5) часть современных источников показывает тенденцию вместо заимствованных цветообозначений использовать название самой реалии, которой тот или иной цвет более характерен; но это явление неоднородно во всех проявлениях языка – оно наблюдается в основном в текстах с конкретной спецификой – в товарных каталогах, в описании товара (напр., одежды, бытовой техники) на этикетках, упаковке, в магазинах и. т. п.

СОКРАЩЕНИЯ

лтш. – латышский

нем. – немецкий

фр. – французский

рус. – русский

ИСТОЧНИКИ

- Baltakmens Raimonds, Stukuls Vilis 1978: *Latvijas zirgi*. Rīga: Liesma.
- Bels Alberts 1987: *Cilvēki laivās*. Rīga: Liesma.
- Blaumanis Rūdolfs 1993: *Kopoti raksti 1*. Rīga: Cīrulis.
- Brasche G. 1875: *Allererste Anleitung zum Gebrauche der lettische Sprache für Deutsche von G. Brasche*. Libau: Verlag von G. L. Zimmermann.
- Cīņa* 09.10.1956.
- Darba Zemnieks* 27. 09.1940
- Darbs* 15.09.1927
- Dravnieks J. 1906: *Svešu vārdu grāmata*. Jelgava.
- Dravnieks J. 1914: *Svešu vārdu grāmata*. Jelgava.
- Ducmanis K. (K. D.) 1921: *Politiska un vispārēja svešvārdu grāmata*. Pārlabojuši un papildinājuši K. Dēķens un V. Dermanis. Rīga: Komanditsabiedrības «Daile un Darbs» apgādībā.
- EW 1989–1995: *Etymologisches Wörterbuch* (nach Pfeifer). Доступно: www.dwds.de.
- EW – *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1997.
- Grīns Aleksandrs: *Nameja gredzens*. Rīga: Zvaigzne ABC [год не указан].
- Hachette 1999: *Dictionnaire Hachette Encyclopédique*. Edition 2000. Paris: Hachette Livre.
- Hemingvejs Ernests 1971: *Kopoti raksti 1*. No angļu valodas tulkojusi Vizma Belševica. Rīga: Liesma.
- Jaunākās Ziņas* 31.03.1938.
- Jaunākās Ziņas* 18.06.1938.
- jauns.lv/raksts/zinas
- Kluge F. 1975: *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin, New York: Walter de Gruyter.
- Lange J. 1773: *Lettisch Deutfcher Theil des voffstandigen Lettifchen Lexici*. Schloß Ober=Pahlen.
- Latviešu Avīzes* 27.06.1857.
- LBV – *Latviešu valodas biežuma vārdnīca 4*. Rīga: Zinātne, 1976.

LKV XV – *Latviešu konversācijas vārdnīca* 15. Rīga: A. Gulbja apgādība, 1937.

LLVV I–VIII – *Latviešu literārās valodas vārdnīca* 1–8. Rīga: Zinātne, 1972–1996.

LTV1 – ТВ передача «Культовая еда. Украина», 27.11.2014.

LVSV 2006 – *Latviešu valodas slenga vārdnīca*. Rīga: Norden AB.

LVV 1987 – *Latviešu valodas vārdnīca*. Rīga: Avots.

LVV 1993 – *Latviešu valodas vārdnīca*. Amerikas Latviešu apvienība.

LVV 2006 – *Latviešu valodas vārdnīca*. Rīga: Avots.

Mājas Viesis 05.09.1860.

Mancelius G. 1638: *Lettus / das ist Wortbuch / Sampt angehengtem täglichem Gebrauch der Lettischen Sprache; Allen und jeden Außheimischen / die in Churland / Semgallen und Lettischem Lieffflande bleiben / und sich redlich nehren wollen / zu Nutze verfertigt / Durch Georgium Mancelium Semgall der H. Schrifft Licentiatum &c. Erster Theil. Cum Grat. & Priv. S. R. M. Svec. Gedruckt unnd verlegt zu Riga durch Gerhard Schröder Anno M. DC. XXXVIII.*

ME I–IV – Mīlenbahs (Mülenbachs) Kārlis. *Latviešu valodas vārdnīca* 1–4. (*Lettisch-deutsches Wörterbuch*). Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. 1. Rīga: Kultūras fonds, 1923–1925; 2. Rīga: Kultūras fonds, 1925–1927; 3. Rīga: Kultūras fonds, 1927–1929; 4. Rīga, 1929–1932.

Mēkons F. 1878: *Svešu vārdu grāmata*. Rīga.

MLVV – *Mūsdienu latviešu valodas vārdnīca*. Доступно: www.tezaurs.lv/mlvv/.

OED – *Online Etymology Dictionary*. Douglas Harper, 2001–2014. Доступно: www.etymonline.com.

Rainis Jānis 1948: *Kopoti raksti* 3. Rīga: Latvijas valsts izdevniecība.

Repše Gundega 1998: *Sarkans*. Rīga: Preses Nams.

Rīgas Laiks Nr. 1, 2002.

Rīts 19.05.1936.

spoki.tvnet.lv.

Stender G. F. 1789: *Lettisches Lexikon*. Mitau: J. F. Steffenhagen.

SVV 1978 – *Svešvārdu vārdnīca*. Rīga: Liesma.

SVV 1999 – *Svešvārdu vārdnīca*. Rīga: Jumava.

Ulmann C. C.; Brache G. 1880: *Lettisches Wörterbuch von Ulmann und Brasche*. Zweiter Theil. Deutsch=lettisches Wörterbuch [...]. Riga u. Leipzig: Brutzer.

Waldemars K. 1872: *Kreewu-latweeschu-wahzu wardnize isdota no Tautas Apgaismoschanas Ministerijas*. Moskva.

Valdības Vēstnesis 06.11.1930.

VPSV – *Valodniecības pamatterminu skaidrojošā vārdnīca*. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 2007.

www.atena.lv.

www.dzeja.info.

www.google.lv.

www.kurbijkurne.lv/daildarbi.

www.saeima.lv/simbolika/karogs.

www.tvnet.lv/apollo/arhivs/327979-par_pirmo_latviesu_sabiedribas_elku.

www.vidzemescerini.lv/lv/cerinu-katalogs.

Zeberīņš Modris: *Zelta lielceļi*. Rīga: Sol Vita [год не указан].

Ziedonis Imants 1997: *Raksti 12 sējumos* 8. Rīga: Nordik.

ИСГРЯ 2010 – *Исторический словарь галлицизмов русского языка*. Москва: Словарное издательство ЭТС. Доступно: <http://galicismes.academic.ru>, <http://dic.academic.ru/>.

СИС – Чудинов А. Н.: *Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка*, 1910. Доступно: <http://dic.academic.ru/>.

ЭСРЯ 1964–1973 – Фасмер М. Р. *Этимологический словарь русского языка*. Москва: Прогресс. Доступно: <http://dic.academic.ru/>.

ЭСРЯ 2004 – Крылов Г. А. *Этимологический словарь русского языка*. Санкт-Петербург: ООО «Виктория плюс». Доступно: <http://dic.academic.ru/>.

ЛИТЕРАТУРА

Ahero Antonija 1965: Salikteņi ar norobežotu nozīmi. *Latviešu valodas kultūras jautājumi*. 1. laidziens. Rīga: Liesma, 31–38.

Balode Laimute 2001: *kirsn- /juod- /meln-* baltu hidronīmiņā. – *Linguistica Lettica* 9. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 110–122.

Bušs Ojārs 2014: *Pārdomas par vārda nozīmi*. Referāts A. Ozola dienas konferencē 2014. gada 21. martā [Rokraksts].

Ēdelmane Inese 1971: Krāsu nosaukumi latviešu valodā. – *Latviešu valodas kultūras jautājumi*. 7. laidziens. Rīga: Liesma, 73–85.

Grīse R. 1995: Par zirgu no filologa viedokļa. – *Latvijas Zirgi* 4/5, 40–43.

Lejniece G. 1979: Mēļš. *Latviešu valodas kultūras jautājumi*. 15. laidziens. Rīga: Liesma, 153–156.

Mihališina Monika 2002: Melnās krāsas semantika poļu un latviešu valodā. – *Valoda un literatūra kultūras apriņķī. Zinātniskie raksti* 650. Rīga: Latvijas Universitāte, 75–83.

Roze Anitra 2010a: Adjektīvi ruds, rūsgans, rusls: semantika un lietojums latviešu valodā. – *Res Humanitariae* 7. Klaipēda: Klaipēdos universitetas, 57–67.

Roze Anitra 2010b: Adjektīvu violets un lillā semantika un lietojums latviešu valodā. – *Linguistica Lettica* 19. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 50–61.

Roze Anitra 2012: Mājdzīvnieku krāsu apzīmējumi latviešu valodā. – *Apvienotais Pasaules latviešu zinātnieku III kongress un Letonikas IV kongress „Zinātne, sabiedrība un nacionālā identitāte“*. *Valodniecības raksti*. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 292–307.

Roze Anitra 2015: *Caur krāsu logu. Par krāsu nosaukumiem latviešu valodā*. Rīga: LU Latviešu valodas institūts, 496.

Šmits Pēteris 1923: Par seno latviešu apģērba krāsu. – *Filologu Biedrības Raksti* 3. Rīga, 7–33.

Valke Simona Sofija 2012: Hromatiskā semantika Morisa Māterlinka «Zilajā putnā»: oriģināla un latvisko tulkojumu analītisks sastatījums. – *Kultūras studijas. Krāsa literatūrā un kultūrā. Zinātnisko rakstu krājums* 4. Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds «Saule», 129–141.

Zemzare Daina 1971: Par govju vārdiem latviešu valodā. – *Baltistica* 7(2). Vilnius: Mintis, 189–200.

Садыкова 2008 – Садыкова, И. В. Русские цветообозначения латинского происхождения. – *Вестник Томского государственного университета. Филология* 1(2). Томск, 28–36 (Доступно: <http://www.philology.ru/linguistics2/sadykova-08.htm>).

Skolinti spalvų pavadinimai – vienas iš atspalvių žymėjimo būdų latvių kalboje

SANTRAUKA

Greta spalvos intensyvumą apibūdinančių prieviksminių komponentų *gaiši* ‘šviesiai’, *tumši* ‘tamsiai’, *koši* ‘ryškiai’, *bāli* ‘blankiai’ ir pan. latvių kalboje gausu skolintų spalvų pavadinimų įvairiems atspalviams žymėti.

Straipsnyje nagrinėjamos skolintų spalvų pavadinimų grupės, šių grupių būdingosios savybės detaliau aptariant ir kiekvieno konkretaus skolinio – spalvos pavadinimo – semantiką, vartoseną, taip pat pirmuosius fiksavimus leksikografijos šaltiniuose, kai kuriais atvejais – kituose šaltiniuose (dažniausiai periodikoje).

Į pirmąją skolintų spalvų pavadinimų grupę patenka skoliniai, suvokiami kaip pastovi latvių kalbos leksikos dalis, kurie dažnai vartojami kasdieniame bendravime ir retai asocijuojasi su sąvoka „skolinys“. Tai spalvų pavadinimai *oranžs* ‘oranžinis’, *rozā* ‘rožinis’, *lillā* ‘violetinis’ ir *violetis* ‘violetinis’. Tiek pirmosios, tiek antrosios grupės spalvų pavadinimų skoliniais kalboje būdingos įsitvirtinusios perkeltinės reikšmės.

Antrąją, didžiausią skolinių grupę sudaro naujesni skoliniai. Jie jau rečiau nei anksčiau minėti spalvų pavadinimai vertinami kaip „savi“, neretai vartotojams yra mažiau žinomi ir vartojami. Be to, dauguma jų glaudžiai susiję su konkrečių realių grupė (pavyzdžiui, žmogaus ar gyvūno plaukų (paukščių plunksnų) danga). Tai spalvų pavadinimai – būdvardžiai *bēšs* ‘smėlinis’, *blonds* ‘šviesiaplaukis’, *brunets* ‘tamsiaplaukis’, *šatens* ‘šatenas’, *palss* ‘balkšvas; sartis (apie arklį)’, *pāls* ‘blyškus; šviesiais sartis (apie arklį)’, *pāts* ‘sartis (apie arklį)’, taip pat daiktavardžiai *karmīns* ‘karminas’ ir *purpurs* ‘purpuras’ (dažniausiai tai sudėtinių spalvų pavadinimų dalys).

Į trečiąją grupę patenka skolinti spalvų pavadinimai, tapę latvių leksikos dalimi palyginti neseniai (dažniausiai XX a. pirmojoje pusėje) – *haki* ‘chaki’, *indigo* ‘indigas’, *marengo* ‘marengas’, *bordo* ‘bordinis’. Esama tam tikrų problemų, susijusių tiek su šių skolinių semantika, tiek su jų įtraukimu į kalbos sistemą, nes šie pavadinimai pateko į kalbą glaudžiai susiję su tam tikra realija ir ne visada gali būti nuo jos atskiriami – jie išlaiko ryšį su ja ir buityje, ir kalboje.

Įteikta 2018 m. balandžio 27 d.

ANITRA ROZE

LU Latviešu valodas institūts

Akadēmijas lauk. 1-815, Rīga LV – 1050, Latvija

anitraroze@inbox.lv